Елена ОМЕЛЬЧЕНКО: «Новые поколения будут менять общество явочным порядком». Часть 2

«Общество» рассыпается, если между разными группами и поколениями людей нет «общего», которое бы их объединяло. Но на каком бы уровне мы его ни искали, внимательный взгляд одновременно обнаруживает различия. Одна из практических задач социологии — разобраться с вопросами общего и разного, чтобы указать реальные основания единства. Один из возможных ответов — «новая культура доверия», которая формируется в нашем обществе прежде всего молодыми поколениями. Об этом рассказала социолог Елена Омельченко, специалист по социологии молодежи.

ЧАСТЬ 2

Елена Омельченко

Формируются новые типы неравенства. Как это происходит? Связь

с семьями для молодых по-прежнему значима. Поэтому имеет значение образование родителей, их социальный статус и социальная позиция. Мы говорим о мере обладания ресурсами, о доступе к культурной инфраструктуре, к образованию. Не происходит никакого стирания различий.

Географические различия тоже остаются очень важными. Даже информационная среда способствует формированию новых неравенств. Если мне важно единство между он- и офлайн коммуникацией, мне необходимо в городе место, где я могу поговорить, и между собеседниками будет связь. Важно, чтобы мне передавалось ощущение признания.

А ведь признания может и не произойти. По разным социальным обстоятельствам. И в результате такой потребности в признании люди могут чувствовать себя настолько изгоями и аутсайдерами, что им придется уехать, чтобы в другом месте найти «своих».

Поиск «своих» стал теперь более вариативным и устроен сложнее. В 12-14 лет человек формирует себя. Приходит озарение, кто они и какие они – «свои». Иными словами, с кем у тебя возможны телесные, интеллектуальные, эмоциональные связи, с кем ты чувствуешь себя в безопасности. «Свои-чужие», это самоопределение остается ключевой формой вхождения в социальность.

> *В поствоенном мире прошлого века было проще. Ты либо меньшинство, либо большинство. Большинство – это мейнстрим. Меньшинство – выбирает особый путь. Но сегодня это микс, вариантов намного больше, мейнстрим и особые пути образуют области пересечения.*

Возникает специфическое мироощущение. Нет исключительно врагов, но нет и исключительно друзей. Культурный выбор все более индивидуален. При этом он никогда не окончателен. «Пожизненной верности» выбору не существует. Человек может быть гопником в дворовой компании лет до 16. Но вырывается, учится в другом городе и может включиться в любую группу.

Из-за того, что есть реальная и виртуальная коммуникация, позиционирование себя тоже усложняется. В сети я чувствую, на какие мои фотографии и высказывания реагируют, что оказывается приемлемым. А в классе я чувствую это уже по-другому. Разные каналы социализации ставят перед разными сходствами, различиями и неравенствами.

Опыт интернета формирует новый тип критичности. Возникает культура сетевой коммуникации. Включается понимание, что нужно обеспечить свою безопасность. Поэтому, например, у них растет порог критичности к фейковым новостям. Распознаются не только интернет-буллинг или троллинг, но и вообще всякое вранье, фейк, обман.

> *Так формируется новый тип доверия. Он возникает благодаря опыту отличения правды от неправды, реального от нереального.*

Если ты хочешь, чтобы тебе доверяли, ты должен понимать — фальшь будет «расслышана». Уровень критичности будет возрастать. А носители нового опыта критичности могут научить и своих родителей распознаванию неправды.

И все это складывается в культуру новой искренности. Сама жажда признания формирует чувствительность к искренности, правде и справедливости.

Если взять пример из недавних событий. Почему они вышли за Навальным? Он попал в тип тот разговора и общения, которому они доверяют. Попал в новую культуру искренности. В следующий раз не попадет — и они не выйдут. Фальшь уничтожает предыдущее доверие.

Когда с ними пытается говорить официальная политика, даже через блогеров или реперов — они сразу распознают фальшь. Они чувствуют, что с ними говорят, как с придурками, которых можно обвести вокруг пальца. Дядя не понимает, что это он придурок. Они понимают прекрасно, и разговора с ним не будет. Что он им скажет, если он заведомо солжет?

Важно чувствовать язык, эстетику, мироощущение. Для слушателя это значит, что в нем признают субъекта.

Но раз за разом у них остается ощущение отсутствия правды, они ее не получают от политического истеблишмента. Ощущение неправды, в свою очередь, усиливает ощущение несправедливости.

В сетевых коммуникациях вырабатываются практики, отторгающие неправду. Там тебя никто не заставит поставить лайк под какой-то «фигней», иначе свои же будут высмеивать.

Конечно, идентичность может формироваться и в пространстве антисоциальности. Но и там свое ощущение справедливости и несправедливости, искренности и неискренности. Это актуально абсолютно для всех.

Очень много пишут о том, что растут асексуалы. А это тоже одна из ключевых находок субкультур — асексуальность. Отношения со своим телом выходят за рамки старого представления: забота о теле — сделать его сексуальным. Появилось очень много альтернативных образцов красоты. И формирование тела частично теряет такую цель как сексуальность. А с тем постепенно теряет саму внешнюю цель.

Тело становится самоцелью. Тело — для того, чтобы чувствовать себя здоровой, уверенной в себе и самодостаточной. Мужская привлекательность тоже не исчерпывается образцом крепкого волосатого мужика. Молодые и не только молодые мужчины делают маски, ухаживают за собой.

Это все сложно. Действует общая гендерная тревога. Но и другие вещи. Например, они не читают длинных романов. Им близок формат быстрого объяснения. Дело не только в ускорении темпа жизни. Дело в исчерпанности — ничего нового. А старое и так знакомо.

А в этом же ряду право на короткие отношения. Сначала молодёжь отвоевала право жить до свадьбы. Затем право партнёрских отношений. Мы — партнёры. Давай делить наши расходы на двоих.

Это проще, легче и честнее.

Но это не потеря интереса к отношениям. Это изменение отношения к сексуальной риторике и к сексуальной телесности. Ведь само понятие «сексуальность» — что это вообще такое? Мне кажется, это особый культурный конструкт. Он изменчив, допускает пересборки, а может быть, его можно просто выбросить.

> *Мы присутствуем при очень интересном социальном перевороте, связанном с переопределением гендерных порядков, сексуальности и секса. Мы говорим о любви, о близости, о принятии другого человека или просто о сексе? Такой вопрос стоит.*

Это момент поиска. Потому что запутали, замучали. Взрослые с их требованиями к правильному взрослению — на фоне жесткого расслоения, экономического кризиса.

Молодые мало способны рассуждать о будущем. Планирование, присущее старшему поколению, им очень сложно даётся. Год, два, максимум три, как дальше — не понятно.

Вот первокурсники — вдохновение, экстаз, радость. Куда всё это уходит к 4 курсу? Они начинают бояться выпуска. Магистратура помогает затянуть процесс необходимого выбора на рынке труда. Все подрабатывают и видят, что втиснуться очень сложно. Не так широки просторы нашего будущего.

Изменить его через имеющиеся инструменты они могут. Они вышли на улицу, чтобы их голос учитывали. Они хотели сказать, что с этим настоящим и будущим не согласны. Им хочется гордиться своей страной. Но в школе и вузе преподаватели им картонным языком объясняют, как они не правы и какие они безмозглые.

Новые поколения будут менять общество явочным порядком. Не через включение в систему, а в косвенных форматах. Как айтишники, которые робототехникой занимаются, как

предприниматели в стиле «лофт», создающие более свободные, незарегулированные пространства.

> *Они будут создавать повсюду среды, где отсутствует вся эта дрянь, связанная с формальным присутствием и чуждыми предписаниям. Дрянь они будут вытеснять из жизни, просто потому что она неприемлема. Она «негигиенична» для них в социальном смысле.*

Будет формироваться ощущение и желание нового, в разных пространствах и средах. Им важно общество как пространство свободы и независимости. Такое, где сами собой формируются анклавы «своих». Где можно реализовываться в более или менее безопасных обстоятельствах.

Через свои ценности, свои типы солидарности, типы сообществ и нормативы — они будут создавать себе в обществе сцены, которые постепенно сомкнутся своими границами. Это очень интересно и очень перспективно.